

* * *

Памяти Александра Плитченко

Чёрный снег замаячит на взгорье,
И метель дорогих деревень,
Нарыдавшись, вплетёт в изголовье
Отгоревшую в горе сирень.

Там на небе цвета побежалости,
Разливаясь в причудливый свет,
Просияют печалью и жалостью,
Для которых названия нет.

Вот и хлынула кровь из России,
Вот и замерли руки по швам –
Всем всучили, хоть мы не просили,
Кому срам, кому шарм, кому шрам.

В мавзолее вечернего сада
Поплывёт по рукам стеарин,
Есть в России одна лишь награда –
Крест нагрудный из двух крестовин.

* * *

Я забыл, что со мною случилось
За минувшие несколько лет,
Отчего так душа омрачилась,
Кто убавил в ней ласковый свет...

Этой вежливой жизни изжога,
Выжигая свой жадный узор,
Ничего не жалела живого,
Вынуждая на стыд и позор.

Никогда же не быть нам счастливыми,
Никому ждо не княжить в любви –
Ангел жизни губами правдивыми
Осень жизни уже протрубил.

57

Ветер гонит пьянящие волны –
Голова полукружится в дым.
Всё быстрее бечева колокольни,
Всё блаженней поёт серафим...

Облака, что столпились у церкви,
Словно девушки в белом цвету,
Лишь скользнёт по ним взгляд офицерский
С сигаретой, цветущей во рту.

По высоким сузробам лабазника
Разливается ласковый свет...
Никакого сегодня нет праздника,
Потому что любви больше нет.

* * *

Эти брови платком не сотрёшь
И не смоешь водой голубую,
А полюбишь – без них пропадёшь,
А разлюбишь – так станут судьбою.

Эти губы вкуснее воды,
Две припухшие в горе облатки –
У вдовы они как медовы,
Но горчей и родней у солдатки.

Этих синих очей купорос,
Эти волосы, полные ветра,
Этих рук потемневшая горсть,
Вечно полная тёплого света.

Свянет к осени родины лес,
Потекут наши птицы по небу,
Омывая над церковью крест,
Чтоб сиял он Борису и Глебу.

И тогда возле чёрных ворот
На разорванных крыльях шинели
В твоих глаз голубой кислород
Я спущусь, чтобы плакать не смели.

* * *

Чей,
чей,
чей
это конь,
это конь,
этот конь

Оторва, оторвался от железного кольца
И летит – грива льётся, как гармонь
Молодого, убитого Германией отца.

Я рвану
этот ситец,
этот ситец
от плеча –

На котор-р-ром цветут русские цветы –
И пойдёт он по кругу сгоряча,
Как невест, обходя яблонь белые кусты.

Вот уж бабы завыли,
завыли,
уж сердцу невмочь,

Пляшет с бабами конь вороной, вороной –
Всё быстрее и быстрее –
уж ничем нельзя помочь,
Как тогда, перед самою войной.

Плачь, гармонь,
да плачь, хорошая,
во все цветы
навзрыд –

В саду Сталина осыпался на гриву весь ранет.
Сам товарищ Сталин на учёт сейчас закрыт,
А откроют, когда будет мясоед.

Всё пройдёт...

Солдатка

слёзы

чёрной гривой

оботрёт

И прибьёт к столбу своё железное
венчальное кольцо,
Чтобы конь, хрипя, не рвался
из распахнутых ворот

По дорожке,
занесённой
лепестками,
за отцом.

* * *

Николаю Шипилову

За деревней в цветах, лебеде и крапиве
Умер конь вороной во цвету, во хмелю, на лугу.
Он хотел отдохнуть,
но его всякий раз торопили,
Как торопят меня, а я больше бежать не могу.

От весёлой реки по траве из последних силёнок,
Огибая цветы, торопя черноглазую мать,
К вороному коню, задыхаясь, бежит жеребёнок,
Но ему перед батею уже никогда не сплясать.

58

Председатель вздохнёт, и закроет лиловые очи,
И погладит звезду, и кузнечика с гривы смахнёт,
Похоронит коня,
выйдет в сад покурить среди ночи,
А потом до утра
своих глаз вороных не сомкнёт.

Затуманится луг.
Все товарищи выйдут в ночное,
А во лбу жеребёнка в ту ночь загорится звезда,
И при свете её он увидит вдали городское
Незнакомое поле. Вороного тянуло туда.

За заставой в цветах, лебеде и крапиве
Умер русский поэт во цвету, во хмелю, на лугу.
Он лежал на траве,
и в его разметававшейся гриве
Спал кузнечик ночной,
не улёгшийся, видно, в строку.

И когда на заре поднимали поэты поэта,
Уронили в цветы небольшую живую тетрадь,
А когда все ушли, из соседнего нежного лета
Прибежал жеребёнок, нагнулся и начал читать.

ПРИСТАЛЬНО

Батюшки-светы, сватья Ермиловна,
Осень кидается в речку Сартык.
Кони колхоза имени Кирова
Стиснули конские рты.

Что рассказать? Возле почты – лыва,
В лыве корабль да пух петуха.
Жизнь поутихла, лицо уронила
В согнутый локоть стиха.

На перевозе – гладкие воды,
А на другом берегу,
Как на последней ступеньке природы,
Тополь застыл на бегу.

Что-то уж шибко он нынче кручинится.
В прошлом году по весне
Берег подмыло – я думал, он кинется
К левобережной сосне.

Сердце ль в обмане, иль мнится мне к вечеру,
Будто на том берегу
Кто-то спустился тропинкой заречную,
А различить не могу.

Завтра десятое августа. Осень.
Осень? Да нет же. Да осень же. Да.
Или почудилось вслед
.....и понеже
.....сильно-пресильно
.....всегда.

ПЕСНЯ ДЛЯ КИНОФИЛЬМА

Грустит собака. Грустные глаза.
Зелёные глаза. Над огородами
Подсолнухи потухшие. Роса.
Картошку уже выкопали. Прóдали.

Подруги за плетнями «у» да «у»,
Да лодчица с горькими глазами
Мне встретится на быстром берегу
С большими довоенными слезами.

Грустит собака. Оные глаза
Набухли, растопырились, рехнулись.
Когда с войны вернулся я назад,
Собаки меж собой переглянулись.

* * *
Мёд последней печальной любви
С позаброшенной кем-то поляны,
Хоть теперь все цветы оборви –
Мы друг другом останемся пьяны.

Все дороги плывут по земле,
Все пути преисполнены счастьем,
Знаю: ты предназначена мне –
Для души золотые запчасты.

Божья церковь вся в белом цвету,
Соловей замолкает, как пленный,
Словно вдруг услышал на лету:
«Ну, прощай. Не здоровайся первым».

* * *

Брат мой, за что ты меня распинаешь,
Что ты мне очи так долго и жадно гнешь,
В чём ты меня, словно ветер ореховый куст,
обвиняешь,
Лаешь пред небом, на людях упорно коришь?

Знай, у убогого нет больше русского логова,
Есть только право с тобою крестами
сменяться,
Только одно я скажу тебе, брат, из хорошего
многого:
«Я и в раю зарыдаю – в аду ты мне будешь
смеяться».

Не посрадим, крестовой, до конца упования
нашего:
Брат же от брата трудом укрепляемый –
станет кремён!
Не отвержи же меня ты на старости,
самого младшего
Из золотых наших русских родных деревень.

Так побожимся с тобою при светлом,
как вечер, рассудке:
Сердце близ сердца должно быть украшено
маслом стыда.
Наша дорога друг к другу – всего лишь
на две самокрутки,
И прикурить – полевая звезда.

